

- Жуковская Н.Л.** Ламаизм и ранние формы религии. - М.: Наука, 1977. - 199 с.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX - начала XX в. // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1954. - Т. 22. - 838 с.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (VIII - первая четверть XX в.). - Л.: Наука, 1979. - 194 с.
- Иорданский В.Б.** Хаос и гармония. - М.: Наука, 1982. - 343 с.
- Кабо В.Р.** Модель мира у охотников и собирателей // Природа. - 1988. - № 3. - С. 26 - 31.
- Кокшаров С.Ф.** О содержании и датировке одной группы уральских писаниц // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. - М.: ИА АН СССР, 1990. - С. 79 - 83.
- Кокшаров С. Ф., Широков В.Н.** Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. - Препр. - Свердловск: ИИА УрО АН СССР, 1990. - 77 с.
- Ксенофонов Г.В.** Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. - М.: Безбожник, 1930. - 126 с.
- Матющенко В.И.** Древняя история Сибири: Уч. пособие. - Омск: ОГУ, 1999. - 232 с.
- Михайлов Т.М.** Бурятский шаманизм: история, структура и социальные функции. - Новосибирск: Наука, 1987. - 288 с.
- Новик Е.С.** Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. - М.: Наука, 1984. - 304 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Ангара. - М.; Л.: Наука, 1966. - 322 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы нижнего Амура. - Л.: Наука, 1971. - 335 с.
- Окладников А.П.** Петроглифы Байкала - памятники древней культуры народов Сибири. - Новосибирск: Наука, 1974. - 125 с., 4 л. ил.
- Окладников А.П., Мазин А.И.** Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. - Новосибирск: Наука, 1979. - 152 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища томских писаниц. - М.: Искусство, 1972. - 255 с.
- Окладникова Е.А.** Загадочные личины Азии и Америки. - Новосибирск: Наука, 1979. - 168 с.
- Попов А.А.** Получение "шаманского дара" у вилейских якутов // ТИЭ. Нов. сер. - М.; Л., 1947. - Т. 11. - С. 282 - 293.
- Прокофьева Е.Д.** Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX - начале XX в. - Л.: Наука, 1971. - С. 5 - 100. - (Сб. Музея археологии и этнографии АН СССР; Т. 27).
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. - 366 с.
- Савенков Т.И.** Байкал // Сибирь. - Новониколаевск: Сибкрайиздат, 1925. - № 4. - С. 16 - 17.
- Сыркин А.Я.** О понятии противопоставления "живое - неживое" // Семиотика: Тез. и докл. на третьей летней школе по вторичным моделирующим системам. - Тарту, 1968. - С. 153 - 158.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. - Новосибирск: Наука, 1989. - 242 с.**
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал / А.М. Сагалаев, И.В. Октябрьская. - Новосибирск: Наука, 1990. - 209 с.**
- Уолш Р.** Дух шаманизма. - М.: Изд-во Трансперсонального ин-та, 1996. - 268 с.
- Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Урала. - М.: Наука, 1971. - Ч. 2. - 120 с. - (САИ; В4-12(2)).
- Элиаде М.** Мифы, сновидения, мистерии. - М.: Релфбук, 1996. - 228 с.
- Furst P.** Fundaments of shamanism in Asia and the Americas // Spellbound of shaman. Shamanism in Tuva. - Antwerp.: Continental printing, Deurne, 1997. - P. 25 - 35.
- Grant C.** Rock Drawings of the Coso Range, Inyo County, California. - Ridgencrest, California: Maturango Press, 1987. - 147 p.
- Guarch J.M.** Arqueologia de Cuba: Metodos y sistemas. - La Habana: Editorial de ciencias sociales, 1987. - 104 p.
- Koksharov S.** Neolithic anthropomorphic pictures from the Konda and Malaya Sosva rivers // Historia Fenno-Ugrica. - Oulu: Societas historiae Fenno-Ugricae, 1996. - Vol. 1. - P. 507 - 512.
- Lommel A.** The World of the Early Hunters. - L.: Evalyln Adams and MacKay, 1967. - 215 p.
- Okladnikov A.** Ancient art of the Amur region. - L.: Aurora Art Publishers, 1981. - 159 p.
- Salchak L., Van Alpen J., Denaeghel I.** Catalogue // Spellbound of shaman. Shamanism in Tuva. - Antwerp.: Continental printing, Deurne, 1997. - P. 114 - 167.

Материал поступил в редакцию 24.05.99 г.

УДК 903.5

А.Ф. Шорин¹, Т.И. Нохрина²

¹Институт истории и археологии УрО РАН,
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: istor@uran.ru

²Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: nohrina@paleo.archaeology.nsc.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ЭНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Погребальных комплексов каменного века и эпохи энеолита на Урале насчитывается чуть более 30. Это, как правило, одиночные захоронения, редко небольшие грунтовые могильники. Сведения о большинстве из них приведены в работах О.Н. Бадера [1970], К.В. Сальникова [1962], А.Ф. Шорина [1991]. В настоящей публикации анализируются 27 погребальных комплексов энеолитического времени (рис. 1). К востоку от Уральского хребта находятся 18 из них - Барсов городок-2 [Чемякин, 1980], Леуши XIV (рис. 2, 3) [Беспрозванный, Старостина, 1986], грот на камне Дождевом (рис. 3, 10) [Серигов, Серигова, 1989; Серигов, 1993], Сосновый остров [Викторова, 1968], Кокшарово I [Старков, 1976], Аятское (рис. 2, 4) [Берс, 1976], Второе Карасье [Берс, 1951], Березки Vг, ограда 23 [Шорин, 1991], Дружный I (рис. 3, 9) [Шорин, 1982], Пеган, Боборыкинское [Сальников, 1962], Перейма II, III [Зах, Зотова, Панфилов, 1991], Ботай [Рыкушина, Зайберт, 1984], Усть-Нарым [Черников, 1970], Верхняя Алабуга (рис. 3, 5 - 8), Убаган [Потемкина, 1982, 1985], Большое Андреевское озеро [Зах, Зотова, Панфилов, 1991]. Шесть могильников расположены в горно-лесном Приуралье - грот у Каменного Кольца (рис. 3, 3) [Бадер, 1973], Бурановская пещера (рис. 3, 1) [Бибилов, 1950], Старичный Гребень (рис. 3, 2) [Там же], пещера Усть-Катавская II [Там же], Кульметовский грот [Широков, 1990], Давлеканово (рис. 3, 4) [Матюшин, 1970]. Остальные три - в Бельско-Икском междуречье: Ахметово I [Збруева, Тихонов, 1970], Кара-Якупово (три энеолитических погребения) [Морозов, 1984], Лобань I [Гусенцова, Сенникова, 1980]. На энеолитический возраст некоторых погребальных комплексов указывают фрагмен-

ты керамики или сосуды сосновоостровского, аятского, новоильинского или близких ямно-афанасьевскому и липчинскому типов, сланцевые шлифованные наконечники стрел с продольными желобками на обеих плоскостях, янтарные пуговицы, встречающиеся в погребениях или в непосредственной близости от них (Барсов городок-2, Леуши XIV, Кокшарово I, Сосновый остров, Аятское, Дружный I, Кульметовский грот, Лобань I, Верхняя Алабуга, Убаган I, могильник на Большом Андреевском озере, Перейма II, Старо-Нагаевский). Косвенным свидетельством энеолитического возраста других погребальных комплексов может служить расположение их на территории энеолитических поселений (Ботай, Усть-Нарым, Аятское, Кара-Якуповское, Лобань I). Неолитический возраст давлекановского погребения определяется перекрытием его котлованом и очагом неолитического жилища [Матюшин, 1970, с. 163 - 164]. Вероятно, энеолитический возраст имеют и погребения с каменными и костяными подвесками, поскольку эти украшения чаще всего находят в энеолитических комплексах лесной зоны Евразии (грот на камне Дождевом, ограда 23 могильника Березки Vг, Боборыкино, пещеры Бурановская и Усть-Катавская II, Старичный Гребень, Ахметово I). В ряде могильников, например Тенишевском в Поволжье в зоне распространения волосовско-гаринских древностей, аналогичные подвески зафиксированы в одних могилах с медными изделиями. Возраст вертикального пеганского захоронения определить трудно, но наличие в нем прекрасно обработанного шлифованного топора [Сальников, 1962, с. 38, рис. 8, 3], а также вертикальные захоронения в Оленеостровском могильнике, который

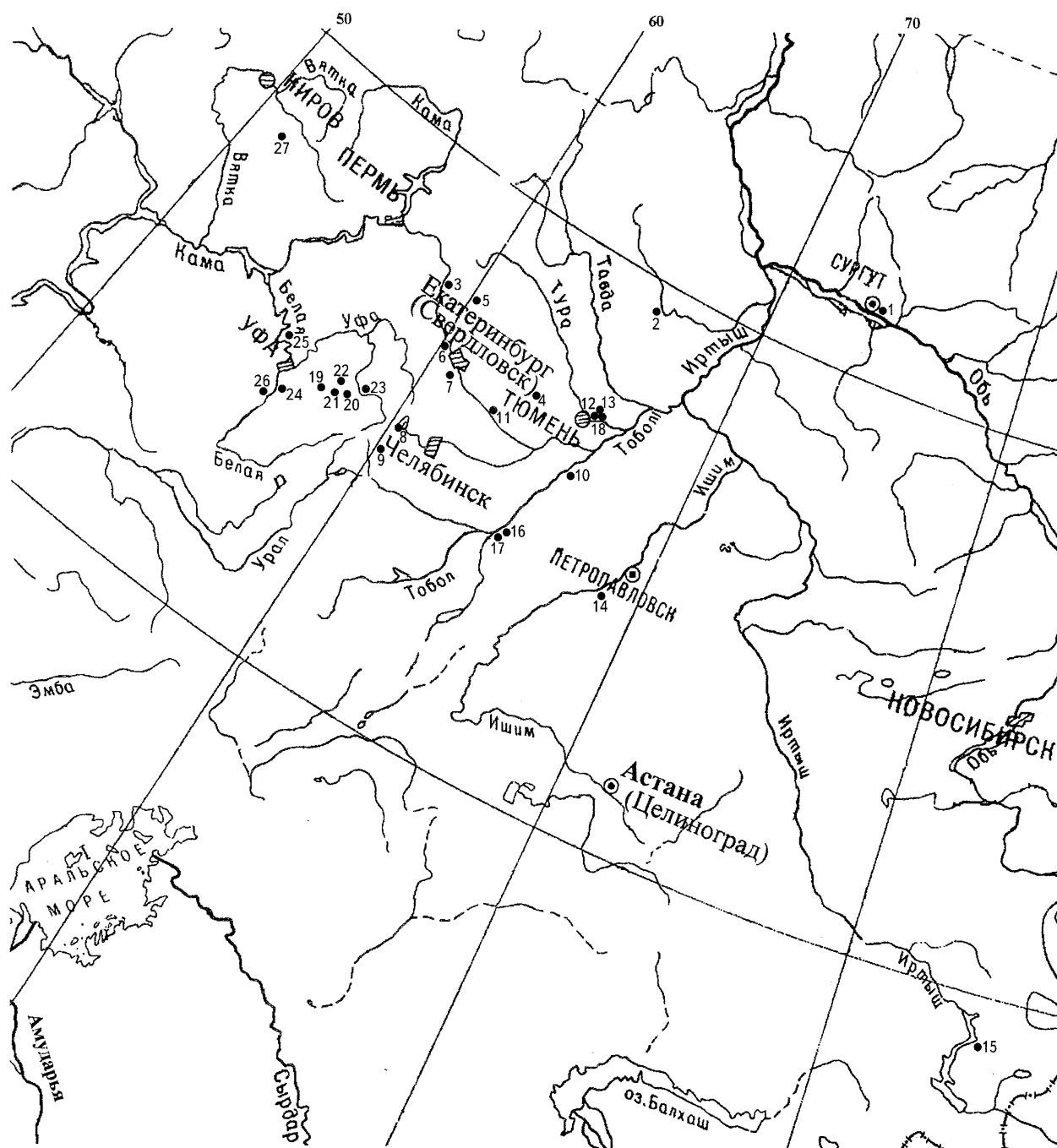

Рис. 1. Погребальные комплексы Урала энеолитического времени.

- 1 - Барсов городок-2; 2 - Леуши XIV; 3 - грот на камне Дождевом; 4 - Сосновый остров; 5 - Кокшарово I; 6 - Аятское; 7 - Второе Карасье озеро; 8 - Березки Vг, ограда 23; 9 - Дружный I; 10 - Пеган; 11 - Боборыкинское; 12 - Перейма II; 13 - Перейма III; 14 - Ботай; 15 - Усть-Нарым; 16 - Верхняя Алабуга; 17 - Убаган; 18 - Большое Андреевское озеро; 19 - грот у Каменного Кольца; 20 - Бурановская пещера; 21 - Старичный Гребень; 22 - пещера Усть-Катавская II; 23 - Кульметовский грот; 24 - Давлеканово; 25 - Ахметово I; 26 - Кара-Якупово; 27 - Лобань I.

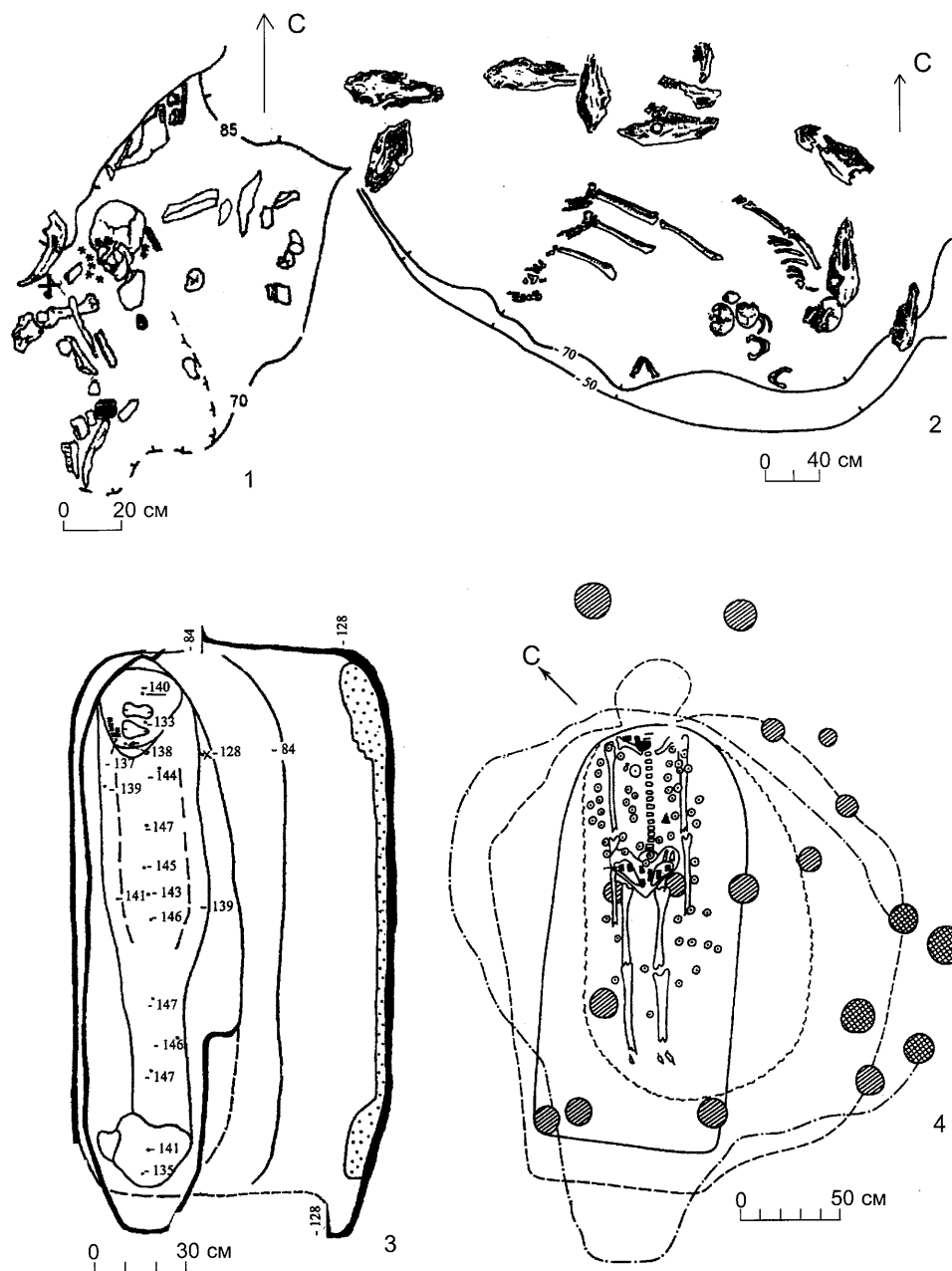

Рис. 2. Энеолитические погребения.

1, 2 - Ботай (по Г.В. Рыкушиной и В.Ф. Зайберту);

3 - Леуши XIV (по Е.М. Беспрозванному и Е.Е. Старостиной); 4 - Аятское (по Е.М. Берс).

традиционно датируется эпохой неолита [Гурина, 1956], не исключают неолитический, а может быть и энеолитический, возраст и пеганского захоронения. Однако существует мнение о мезолитическом возрасте пеганского захоронения [Серигов, 1993, с. 142].

Анализ основных черт погребальной практики по неолитическим и энеолитическим захоронениям и могильникам в Урало-Казахстанском и Камско-Вятском регионах позволяет наметить особенности, свойственные большинству рассматриваемых погребений.

1. Значительная часть погребений представлена одиночными захоронениями в неглубоких могильных ямах или небольшими могильниками в три-четыре захоронения. Более крупные могильные комплексы встречаются обычно в Тюменском Притоболье (могильник на Большом Андреевском озере), в Курганском Притоболье (могильники Верхняя Алабуга, Убаган I) и Бельско-Икском междуречье (Старо-Нагаевский могильник). В последних двух районах в материалах отчетливо прослеживается влияние культур

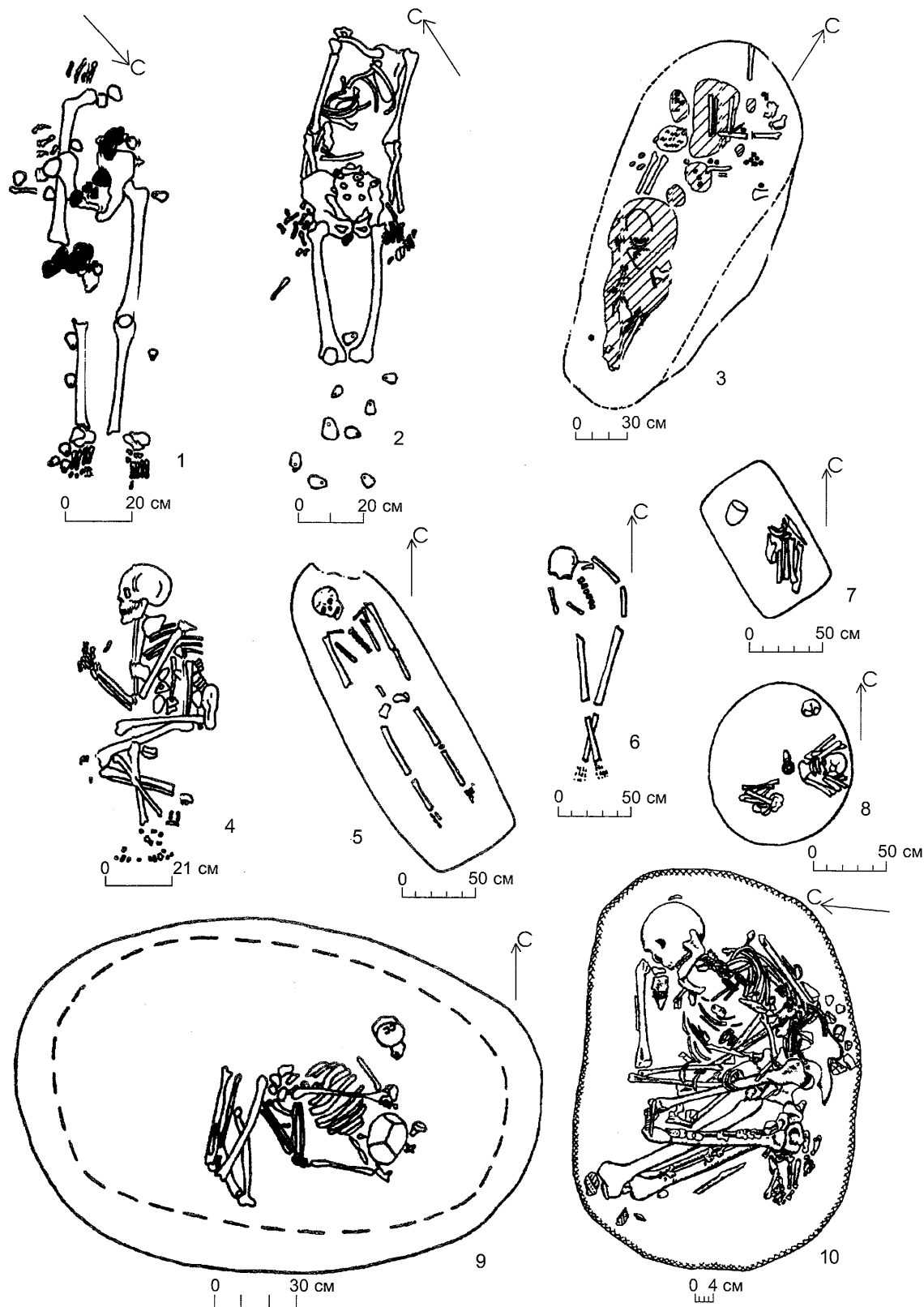

Рис. 3. Энеолитические погребения.

1 - Бурановская пещера (по С.Н. Бибикову); 2 - Старичный Гребень (по С.Н. Бибикову);
 3 - грот у Каменного Кольца (по О.Н. Бадеру, 1973); 4 - Давлеканово (по Г.Н. Матюшину); 5 - Верхняя Алабуга, погребение 84;
 6 - Верхняя Алабуга, погребение 88; 7 - Верхняя Алабуга, погребение 5; 8 - Верхняя Алабуга, погребение 90
 (5 - 8 по Т.М. Потемкиной, 1985); 9 - Дружный I (по А.Ф. Шорину); 10 - грот на камне Дождевом (по Ю.Б. Серикову).

скотоводческого мира [Потемкина, 1982, 1985, с. 150; Стоколос, 1984, с. 39 - 41].

2. Многие захоронения произведены рядом с жилищами или в заброшенных жилищах на территории поселений либо в непосредственной близости от них.

3. Для многих одиночных захоронений выбирались нестандартные в топографическом отношении места - пещеры, гроты, навесы, возвышенные участки холмов или дюн. Более крупные могильные комплексы эпохи энеолита также зафиксированы в особых топографических условиях. Могильник на Большом Андреевском озере расположен на острове, разграничивающем самое большое водное зеркало Большое Андреевское и остальную группу озер [Зах, Зотова, Панфилов, 1991, с. 19]. Могильники Старо-Нагаевский [Стоколос, 1984, с. 22] и Верхняя Алабуга [Потемкина, 1982, с. 160] находились на вершинах останцов террас в пойме рек, а могильник Убаган I - на небольшом мысу, образованном обрывистыми и высокими берегами рек Тобол и Убаган в месте их слияния [Там же, с. 166]. Возможно, существует связь между захоронениями в Бурановской пещере и наскальными рисунками на одной из ее стен [Бибииков, 1950, с. 103 - 105, рис. 9], а в Кульметовском гроте между захоронением и рисунками на одной из глыб, которыми закрыта полость грота, где был оставлен покойник [Широков, 1990, с. 69].

4. При господствующем обряде захоронения в вытянутом положении на спине встречаются необычные позы. Так, пеганское погребение совершено в вертикальном положении [Сальников, 1962, с. 38], захоронение в могиле 56 могильника Верхняя Алабуга - почти в вертикальном положении, захоронения 73, 80, 85, 88 того же могильника и одно из погребений могильника Убаган I - в позе "сидя на корточках" [Потемкина, 1982, с. 151, 153, 168], погребение 2 в гроте на камне Дождевом - на спине, но в сильно скорченном положении [Серииков, 1993, с. 130 - 131]. В некоторых случаях наблюдается нарушенность анатомической целостности костяка - в аятском захоронении не было черепа (см. рис. 2, 4) [Берс, 1976, с. 197 - 200], в ахметовском отсутствовали кости рук и ног [Збруева, Тихонов, 1970, с. 86]. Захоронения только черепов обнаружены в святилище Савин [Потемкина, Ковалева, 1993, с. 252] и на поселении Ботай [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 123, 125].

5. Отмечаются развитый культ огня в форме либо полного трупосожжения на стороне, либо неполного сожжения при разведении костра над могилой или на надмогильном сооружении, а также присутствие охры, часто обильной. В могильниках с относительно большим числом захоронений (Старо-Нагаевском, на Большом Андреевском озере) обряды трупосожжения на стороне и трупоположения сочетаются.

6. В обряде ингумации преобладает вытянутое положение на спине головой на северо-восток, север и северо-запад; заметной тенденцией является ориентация могильных ям по линии северо-восток - юго-запад.

7. Везде отсутствует погребальный сосуд.

8. В погребениях найдены ожерелья или украшения, бывшие на одежде, обуви, головном уборе умерших, в виде каменных и костяных подвесок обычно каплевидной (реже другой) формы.

9. Безынвентарные захоронения встречаются крайне редко.

10. Некоторые погребальные вещи, прежде всего наконечники стрел, преднамеренно испорчены.

Различия в погребальных обрядах населения Зауральско-Казахстанского и Камско-Вятского регионов проявляются не столь ярко, как в других элементах материальной культуры, что можно объяснить консервативностью погребального обряда, особенно если в регионе не происходит резкой смены населения.

Уже отмечалось, что наряду с преобладающими одиночными захоронениями на территории поселений в Урало-Казахстанском регионе встречаются компактные могильные комплексы. Они, как правило, расположены на периферии рассматриваемого региона, в зонах контактов с населением сопредельных территорий. Старо-Нагаевский могильник (22 могилы) расположен в лесостепной Башкирии, где прослеживается влияние степной поволжской хвалынской энеолитической культуры, имеющей прежде всего западный вектор связей и входящей в хвалынско-среднестоговскую культурную общность лесостепи и степи Восточной Европы [Васильев, 1981, с. 22 - 42; Васильев, Выборнов, Моргунова, 1985; Матюшин, 1982, с. 264; Морозов, 1984, с. 55 - 57; Стоколос, 1984, с. 41]. Могильники Верхняя Алабуга (56 ям, в 14 из которых, а также рядом с ними, выявлены следы захоронений) и Убаган I (число захоронений точно не установлено) расположены в лесостепном Курганском Притоболье. В их материалах проявляются следы влияния степного хвалынско-среднестоговского и ямно-афанасьевского круга культур [Потемкина, 1985, с. 155 - 157, 275 - 276]. Наконец, могильники в таежном Тюменском Притоболье (на Большом Андреевском озере - 25 захоронений, Перейма II - 9 погребений и др.) находят определенные аналогии в энеолитических могильниках таежного и лесостепного Прииртышья и Притоболья [Зах, Зотова, Панфилов, 1991; Потемкина, 1982; Потемкина, Ковалева, 1993; Петров, 1986, с. 13 - 14]. Поэтому не исключено, что появление компактных могильных комплексов на юго-западной, южной и юго-восточной периферии Уральского региона - результат контактов с населением хвалынско-среднестоговской, ямно-афанасьевской областей, а также Западной

Сибири, для которых в эпоху энеолита в целом характерно сооружение компактных могильных комплексов. В этой связи интересно заметить, что в родственной уральскому, особенно приуральскому, населению лесной поволжской волосовской культуре наряду с одиночными захоронениями на поселениях отмечены также компактные могильники, появление которых связывают с поздними этапами волосовской культуры, с периодом активного проникновения в среду ее носителей инокультурного фатьяновского населения [Крайнов, 1987, с. 23].

На периферии Урало-Казахстанского региона в некоторых погребальных памятниках отмечены нетипичные для лесной зоны Евразии захоронения умерших в скорченном положении на спине и на боку (Давлеканово, Дружный I, Старо-Нагаевский (могила 17), Верхняя Алабуга (погребения 5, 83, 55, 90), Усть-Нарым). Такая поза захороненных типична для ряда энеолитических культур степной зоны Евразии - хвалынской-среднестоговской и особенно ямно-афанасьевской. Можно предположить, что появление в Урало-Казахстанском регионе, прежде всего в периферийной зоне, аналогичных захоронений есть результат контактов лесного населения со степным миром. В лесной зоне Урала только одно захоронение - погребение 2 в гроте на камне Дождевом - произведено в скорченном положении на боку [Сериков, 1993, с. 130 - 131].

Отметим еще одну нехарактерную черту погребальной обрядности некоторых уральских могильников, проникшую, возможно, из степного мира. Речь идет об обычае ставить сосуды не в могилу, а около нее или на территории могильников, может быть, на специальные жертвенные площадки или места для принятия ритуальной пищи, что зафиксировано на Старо-Нагаевском могильнике, могильниках Верхняя Алабуга, Убаган I. Особенно четко эта черта погребальной обрядности проявляется в эпоху энеолита в комплексах лесостепного и степного Поволжья, входящих в круг культур мариупольской и хвалынской-среднестоговской культурных областей [Васильев, 1981]. Возможно, проникновение ее в среду уральского населения также связано с взаимодействием лесных и степных групп населения Поволжско-Уральского региона.

Следует обратить внимание еще на один нехарактерный для Уральского региона признак - наличие ярусных захоронений, зафиксированных в ряде случаев на могильниках Верхняя Алабуга, Перейма II и на Большом Андреевском озере. Появление ярусных захоронений на первом из них также можно связывать с влиянием или прямым проникновением степных групп населения. Этому не противоречит погребальный инвентарь могильника [Потемкина, 1985, с. 150 - 157]. Наличие же ярусных захоронений в могильниках Андреевского озера (Перейма II, погребение 5; Большое Андреевское озеро, погребение 6) пря-

мыми связями с населением степных регионов объяснить сложно, поскольку ни в погребальном инвентаре, ни в способах захоронения инокультурных включений не зафиксировано. Ярусные захоронения встречаются в тасжской и лесостепной зонах Среднего Прииртышья. У нижнего погребения обычно большие размеры могилы, оно обильно засыпано охрой и расположено в центре могильника. Нередко захоронение сопровождалось разломанной булавой и фигурками лося из камня, что, возможно, подчеркивало особый социальный статус умершего [Петров, 1986, с. 13 - 14].

Особо следует остановиться на погребальных обычаях, зафиксированных на поселении Ботай [Зайберт, 1993, с. 32, 37 - 38, 141, 216]. Из двух захоронений одно одиночное - это череп с несколькими позвонками (см. рис. 2, 1). Исследователи усматривают следы декапитации с последующим захоронением только головы умершего и связывают это с отправлением каких-то культов, что подтверждается фиксацией на черепе слоя красной отмученной глины - остатков погребальной маски [Рыкушина, Зайберт, 1984, с. 123 - 125]. Второе захоронение коллективное (см. рис. 2, 2). В заброшенном жилище была специально сооружена погребальная камера из черепов и костей лошади, возможно, жердей и шкур животных. Захоронения двух мужчин, женщины и ребенка произведены, вероятно, последовательно, поскольку только самый крайний скелет мужчины 25 - 30 лет лежал в анатомическом порядке, а остальные были потревожены. Наиболее потревоженными оказались кости скелетов ребенка 10 - 11 лет и женщины 45 - 50 лет, лежащие у противоположной стенки могилы [Там же, с. 121 - 123]. Принцип последовательности захоронений в погребальное сооружение для лесной зоны Урала не характерен, но он типичен для энеолитических культур южного пояса [Антонова, 1990, с. 37 - 116]. Особенно ярко это проявляется, в частности, в Геоксюрском некрополе. Здесь в толосах из сырцового кирпича с ложносводчатым перекрытием, сооружаемых на окраинах поселков на заброшенных участках, где раньше функционировали жилища, последовательно подзахоранивались умершие. При этом предыдущее захоронение сдвигалось, поэтому кости многочисленных скелетов перемешаны. Такие погребения, как ботайское, сопровождалось обычно малым числом личных вещей умершего [Сарианиди, 1965].

Анализируя нетипичные элементы погребальной обрядности энеолитических захоронений Урала и Казахстана, отметим, что их происхождение в разной степени связано с импульсами, исходящими преимущественно из двух регионов. Первый - лесостепи и степи Поволжья, население которых в эпоху энеолита

представляло восточную часть огромных последовательно сменявших друг друга мариупольской, хвалынского-среднеогозовской и древнеямной общностей. Вторым регионом была Средняя Азия, энеолитические культуры которой составляли северную периферию земледельческих культур Востока, их влияние выражено в меньшей степени и преимущественно в ботайской культуре.

Отмечая влияние традиций в первую очередь энеолитического поволжского населения, следует констатировать те черты погребальной практики, которые свойственны энеолитическому населению Уральско-го и Западно-Сибирского регионов, а если рассматривать шире, то и всей северосибирской зоны. Особенно заметно сходство погребальной обрядности в комплексах лесной зоны Поволжья и Урала. Для них характерны: 1) сочетание традиций устройства коллективных грунтовых могильников и одиночных захоронений в неглубоких ямах при явной доминанте последних; 2) периодическое использование камня в виде каменных завалов могил, каменных ящиков и колец-оград вокруг могил, отдельных камней над могилами как реперных надмогильных знаков; 3) локализация захоронений на территории поселений, в жилищах, возможно, заброшенных ко времени погребения; 4) абсолютное господство захоронений в вытянутом положении на спине; 5) использование охры в погребальном ритуале; 6) большая роль в погребальном обряде огня, в частности полное или неполное сожжение трупов; 7) сопровождение покойника обычно личными украшениями, реже наконечниками стрел или кремневыми орудиями; 8) отсутствие в погребальном инвентаре сосудов; 9) неординарные захоронения без головы или, наоборот, только одних голов, отдельные захоронения в необычных позах (вертикально, "сидя на корточках", на животе с вытянутыми ногами и т. д.).

Сходство существенных элементов погребальной обрядности населения лесных районов Урала и Поволжья, а также Северо-Запада России и Прибалтики в энеолите не случайно. Погребальная обрядность данных регионов наряду с другими категориями материальной культуры дает возможность на гипотетическом уровне выделить в этой лесной части Восточной Европы зону культур гребенчатой керамики, включавшую две крупные этнически родственные области - культур гребенчатого геометризма и волосовско-гаринскую. Влияние традиций последней, особенно волосовской части, распространилось по лесной зоне, а также далеко к западу от Волго-Окского междуречья в среду родственных культур, что уже неоднократно отмечалось исследователями [Бадер, 1972, с. 26; Крайнов, 1987; Третьяков, 1990; Халиков, 1982].

Прослеживается сходство основных черт погребальной обрядности носителей лесных культур зоны гребенчатой керамики Поволжско-Уральского региона и энеолитических культур таежной и лесостепной части Западной Сибири. Отметим, что погребальная обрядность населения западносибирских таежного и лесостепного районов неоднородна. Среди немногочисленных для такой огромной территории захоронений намечаются как хронологические, так и культурные отличия в рамках эпох неолита и энеолита. Энеолитические погребальные комплексы Томско-Нарымского Приобья (Самусьский на Мусульманском кладбище и Томский могильники) отличаются от неолитических и энеолитических комплексов лесостепного Приобья (могильники Прорва, Сопка-2 и др.), а последние, в свою очередь, от погребальных комплексов Кузнецко-Алтайского региона, но эти различия не так принципиальны. В целом, погребальные комплексы лесной и лесостепной части Западной Сибири можно рассматривать в рамках единой европейско-сибирской зоны (зона А) погребальной обрядности [Телегин, 1991, с. 33 - 37].

Сходство в целом поволжско-уральского и западносибирского погребальных обрядов проявляется в немногочисленности погребальных комплексов в обоих регионах, господстве грунтового способа захоронения в неглубоких могильных ямах или на уровне древнего горизонта, преобладании захоронений в вытянутом положении на спине, использовании охры и проявлении культа огня, сопровождении покойников прежде всего украшениями (бусы, подвески и т. д.), предметами вооружения (наконечники стрел), орудиями труда (скребки, ножи и т. д.). Это позволяет констатировать урало-поволжские параллели в западносибирском погребальном обряде, которые могли определяться как общими генетическими компонентами, так и постоянными устойчивыми контактами населения этих территорий в эпоху энеолита [Молодин, 1977, с. 29; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 32]. В то же время погребальный обряд населения таежной и лесостепной части Западной Сибири имеет и определенные отличия. Четче проявляется тенденция сооружения компактных, правда небольших по численности, могильников обычно вне пределов поселений [Петров, 1986, с. 13; Полосьмак, Чикишева, Балуева, 1989, с. 29], сочетания, нередко в рамках одного погребального комплекса, различных способов захоронений - ингумации и кремации [Зах, Зотова, Панфилов, 1991, с. 40; Петров, 1986, с. 13]. Наблюдается высокий удельный вес вторичных захоронений, в инвентаре некоторых погребений есть посуда, чаще в обломках, реже целая [Петров, 1986, с. 13]. Данные признаки не только определяют отличия западносибирского погребального обряда от лесного поволжско-уральского, но и свидетельствуют, вероятно, о

разных генетических компонентах и характере связей. Особенно четко это проявляется в погребальном обряде восточных районов Западно-Сибирской равнины, в памятниках кузнецко-алтайской культуры, где в погребальном инвентаре нет керамики и много вещей (мелкая пластика, подвески из зубов диких животных, костяные наконечники стрел, остроги и т. д.), вызывающих прибайкальские ассоциации [Бобров, 1990; Молодин, 1977, с. 29; Окладников, Молодин, 1978, с. 19 - 21]. Однако даже в материалах погребений этой культуры, несмотря на некоторые прибайкальские параллели, четко прослеживаются и черты поволжско-уральского погребального обряда, на что уже обращалось внимание [Молодин, 1977, с. 29]. Видимо, комплексам, в том числе погребальным, кузнецко-алтайской культуры близки усть-нарымские памятники Восточного Казахстана, в материалах которых также прослеживаются прибайкальские влияния [Черников, 1970, с. 10, 11, 13].

Погребальные комплексы зоны культур гребенчатой керамики имеют также параллели в памятниках самарской и хвалынской культур лесостепного и степного Поволжья.

Различия проявляются в наличии в комплексах самарской и хвалынской культур компактных могильников, ярусных и коллективных захоронений, тенденции перехода к погребению в положении на спине или боку с подогнутыми руками и ногами (особенно у носителей хвалынской культуры), появлении в сопровождающем инвентаре погребальных сосудов, которые ставились около могилы (особенно в самарской культуре) либо в могилу (хвалынская культура), сопровождении покойников разнообразным каменным, костяным инвентарем, украшениями из раковин, редко медными предметами, многие из которых находят аналогии на западе и юго-западе. Но в то же время в погребальной обрядности носителей самарской и в меньшей степени хвалынской энеолитических культур, как и днепро-донецкой, четко прослеживается присутствие многих черт, характерных для погребальных комплексов лесной зоны Поволжья и Урала. Среди них преобладание погребений в неглубоких могильных ямах, захоронение в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, особенно в могильниках самарской культуры, подсыпка погребений охрой и проявления в некоторых могилах огненного ритуала, закладка ряда могил камнем, преднамеренная порча некоторых погребальных вещей, помещение сосудов не в саму могилу, а около нее или на специальных жертвенных площадках на территории могильников (самарская культура) [Агапов, Васильев, Пестрикова, 1990; Васильев, Матвеева, 1979]. Видимо, вовлечение лесостепного и степного поволжского населения с эпохи раннего энеолита в круг новых культурных связей с западными и юго-западными

племенами мариупольской, а затем хвалынской-среднестоговской общностей, хозяйство которых было уже ориентировано на скотоводство, не привело к полному забвению энеолитическим поволжским населением погребальных традиций предшествующего времени. Проявление их, наряду с новыми погребальными канонами, фиксируется даже у поволжского населения эпохи бронзы, в частности у ямников и полтавкинцев. Сходные процессы фиксируются и в погребальном обряде днепро-донецкой и среднестоговской культур, генетические корни которых, по мнению Д.Я. Телегина, восходят к мезолитическому и, видимо, позднепалеолитическому населению лесной полосы Восточной Европы и Прибалтики [Телегин, 1991, с. 40, 41].

В плане поиска возможных истоков некоторых черт уральского погребального обряда эпох неолита и энеолита чрезвычайно интересно открытие многочисленных пока могильников в Восточном Прикаспии и Приаралье - Кайлю [Окладников, 1953, с. 31 - 32] и Тумек-Кичиджик [Виноградов, 1981, с. 107 - 116; 1986, с. 3 - 98]. В этих районах в неолите и энеолите была широко распространена кельтеминарская культура, влияние которой на широких пространствах Евразии, в частности на Урале и в Сибири, неоднократно было предметом дискуссий [Формозов, 1977, с. 113 - 129].

Исследователи могильников Кайлю и Тумек-Кичиджик находят сходные черты погребального обряда (захоронение в вытянутом положении на спине, головой на северо-восток, окраска костяков охрой, отсутствие в могилах керамики и ее расположение рядом с погребениями на жертвенных площадках, использование в отдельных случаях в погребальном обряде камня и особенно наличие некоторых категорий погребального инвентаря: плоских и цилиндрических бусин из раковин, подвесок из клыков кабана и др.) в погребениях мариупольской общности, например в Съезжинском могильнике самарской культуры лесостепного Поволжья [Виноградов, 1981, с. 116]. Некоторые категории погребального инвентаря уральских захоронений, в частности плоские круглые бусины из раковин ископаемых морских моллюсков *Dentalium*, кремневые пластины из погребений в Усть-Катавской II пещере [Бибилов, 1950, с. 113 - 119] и гроте у Каменного Кольца [Бадер, 1973], идентичны таковым в материалах могильников Кайлю и Тумек-Кичиджик. Заметим также, что могильник Кайлю также расположен около грота.

Таким образом, анализ погребальной обрядности населения, проживавшего в эпоху неолита и энеолита на территориях Среднеазиатского междуречья, лесостепного Поволжья (самарская культура) и лесного Зауралья, обнаруживает близкие черты в

традициях обитателей данных территорий. Это позволяет предполагать если не какую-то общую генетическую подоснову, что вполне вероятно, то, во всяком случае, активные контакты между ними в период каменного века и эпоху энеолита. В то же время становится очевидной необходимость разработки гипотезы о взаимодействии не только приаральского и уральского, приаральского и лесостепного поволжского, но и лесостепного поволжского (самарского, а если шире, мариупольской общности) и уральского населения.

Современный уровень наших знаний о погребальной обрядности населения Урала позволяет относить ранние уральские погребения только к эпохе неолита, а большую их часть даже к энеолиту. Но столь позднее для каменного века появление здесь погребальных комплексов в литосфере, преимущественно одиночных захоронений, имеет одну существенную особенность. Погребения Уральского региона эпох неолита и энеолита, особенно горно-лесной части, сохраняют не отдельные проявления, а комплекс архаичных черт, уходящих в погребальную обрядность более ранних эпох. Подчеркнем, что консервация архаичных черт погребальной обрядности в горно-лесной части Урала поразительна. Даже в последующие археологические эпохи, от развитого бронзового века и до русской колонизации края включительно, погребальные комплексы в литосфере в этой части Урала скорее исключение, чем правило. Они единичны для эпох ранней и начала развитой бронзы (предкоптяковские и коптяковские комплексы), поздней бронзы (межовский комплекс), раннего железного века (иткульская культура). Не найдено ни одного захоронения гаманской культуры эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Немногочисленны в горно-лесном Зауралье и могильники I - первой половины II тыс. н. э. Лучше представлены погребальные комплексы только тех культур горно-лесного Зауралья эпохи бронзы и средневековья, носители которых в той или иной степени контактировали с более южными лесостепными соседями: черкаскульцы с индоиранцами андроновской общности, гороховцы с индоиранцами скифо-сарматского круга культур [Шорин, 1991, с. 77 - 79]. Погребальные памятники средневековых культур горно-лесного Урала фиксируются прежде всего у того населения, в материальной культуре которого проявляются следы влияния населения лесостепного и степного регионов - тюркоязычных кочевников [Могильников, 1988; Петрин, Нохрина, Шорин, 1993, с. 196], угорязычных носителей культуры со шнуровой орнаментацией посуды [Викторова, 1973; Викторова, Кернер, 1988; Могильников, 1988]. Эти наблюдения наводят на мысль, что особенности погребального обряда населения горно-лесной части Урала в этническом аспекте традиционно связываются исследователями с

этапами развития угорской языковой группы и, во-первых, имеют глубокую традицию, во-вторых, отражают существенные стороны этнокультурной специфики уральских групп населения. Они были достаточно консервативны и традиционны на протяжении значительного отрезка времени даже в условиях инокультурных влияний. Сходство погребальной обрядности нео-энеолитического населения Урала, лесного и лесостепного Поволжья и Западной Сибири, а также степных районов Восточного Прикаспия и Приаралья заставляет предполагать если не общую подоснову в виде родственных групп населения, проживавших в этих регионах в неолитическую, а быть может, и более ранние эпохи, то активные контакты. В этой связи актуальной по-прежнему остается гипотеза о влиянии приаральского и закаспийского населения на носителей культур Поволжско-Урало-Сибирского региона [Формозов, 1977, с. 113 - 130]. Однако, несмотря на определенное влияние закаспийских и приаральских мезолитических и неолитических культур на население лесной зоны, особенно Южного Урала, Зауралья и, может быть, Сибири, нет оснований возводить все уральские и сибирские культуры неолита к неолитическим культурам Приаралья. В них явно прослеживаются и местные линии развития [Там же, с. 125, 129]. Это логично приводит к мысли, что сходство погребального обряда нео-энеолитического населения восточной части Восточной Европы и западной части Азии объясняется не только внешними импульсами, исходившими из Закаспийского и Приаральского регионов, но и близостью погребальных традиций местного населения, уходящих корнями в мезолитическую, а может быть, еще более ранние эпохи.

Список литературы

- Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И.** Хвалынский энеолитический могильник. - Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1990. - 160 с.
- Антонова Е.Б.** Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. - М.: Наука, 1990. - 286 с.
- Бадер О.Н.** Уральский неолит // МИА. - 1970. - № 166. - С. 157 - 171.
- Бадер О.Н.** О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. - М.: Наука, 1972. - С. 10 - 31.
- Бадер О.Н.** Неолитическое погребение в гроте у Каменного Кольца на Урале и его аналоги // Проблемы археологии Урала и Сибири. - М.: Наука, 1973. - С. 104 - 109.
- Берс Е.М.** Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // МИА. - 1951. - № 21. - С. 182 - 243.
- Берс Е.М.** Позднеэнеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // СА. - 1976. - № 4. - С. 190 - 200.
- Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е.** Погребение в Нижнем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской

археологии. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. - С. 33 - 38.

Бибиков С.Н. Неолитические и энеолитические остатки культур в пещерах Южного Урала // СА. - 1950. - № 13. - С. 95 - 138.

Бобров В.В. Материалы разрушенных неолитических погребений кузнецко-алтайской культуры // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1990. - С. 19 - 33.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1981. - 128 с.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Моргунова Н.Л. [Рецензия] // СА. - 1985. - № 2. - С. 280 - 290. Рец. на кн.: Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 327 с.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. Могильник у с. Съезжее на р. Самаре // СА. - 1979. - № 4. - С. 147 - 166.

Викторова В.Д. Сосновый остров - стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. - 1968. - № 4. - С. 161 - 173.

Викторова В.Д. Ликинский могильник X - XIII вв. // Вопр. археологии Урала. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1973. - Вып. 12. - С. 137 - 173.

Викторова В.Д., Кернер В.Ф. Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. - С. 129 - 141.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. - М.: Наука, 1981. - 172 с. - (Тр. Хорезм. археолого-этнограф. экспедиции; Т. 13).

Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовьев Амударьи: Археолого-антропологическое исследование. - М.: Наука, 1986. - 200 с. - (Тр. Хорезм. археолого-этнограф. экспедиции; Т. 15).

Габяшев Р.С., Беговатов Е.А. Тенишевский ("Сорокин бугор") энеолитический могильник: (Предварительная публикация) // Археология и этнография Марийского края. - Йошкар-Ола: Изд-во Мар. НИИЯЛИ, 1984. - Вып. 8: Новые памятники археологии Волго-Камья. - С. 63 - 83.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 432 с. - (МИА; № 47).

Гусенцова Т.М., Сеникова Л.А. Многослойное поселение Лобань I // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. - Ижевск: Изд-во НИИ при СМ Удм. АССР, 1980. - С. 118 - 134.

Зайберт В.Ф. Энеолит Урало-Иртышского междуречья. - Петропавловск: Наука, 1993. - 246 с.

Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н. Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. - Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 1991. - С. 13 - 42.

Збруева А.В., Тихонов Б.Г. Памятники эпохи бронзы в Башкирии // Древности Башкирии. - М.: Наука, 1970. - С. 40 - 127.

Крайнов Д.А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. - М.: Наука, 1987. - С. 10 - 27. - (Археология СССР).

Матюшин Г.Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале // СА. - 1970. - № 4. - С. 160 - 168.

Матюшин Г.Н. Энеолит Южного Урала. - М.: Наука, 1982. - 328 с.

Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале. - Уфа: Изд-во Баш. НЦ УрО АН СССР, 1988. - С. 5 - 9.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. - Новосибирск: Наука, 1977. - 174 с.

Морозов Ю.А. Кара-Якуповская энеолитическая стоянка // Эпоха меди юга Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1984. - С. 43 - 58.

Окладников А.П. Изучение памятников каменного века в Туркмении (по данным работ IX отряда Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции 1952 г.) // Изв. АН Туркм. ССР. - Ашхабад, 1953. - № 2. - С. 28 - 32.

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангара (от Шукрино до Бурети). - Новосибирск: Наука, 1974. - 320 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники средней Ангара (от устья р. Белой до устья Усть-Уды). - Новосибирск: Наука, 1975. - 320 с.

Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бия) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. - Новосибирск: Наука, 1978. - С. 11 - 21.

Петрин В.Т., Нохрина Т.И., Шорин А.Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). - Новосибирск: ВО "Наука", 1993. - 211 с.

Петров А.И. Эпоха позднего неолита и ранней бронзы в Среднем Прииртышье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово: Кемеров. ун-т, 1986. - 19 с.

Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С. Неолитические могильники Северной Барабы. - Новосибирск: Наука, 1989. - 102 с.

Потемкина Т.М. Черты энеолита лесостепного Приобья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 159 - 172.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приобья. - М.: Наука, 1985. - 376 с.

Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах неолита - ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала: По материалам V полевого симпозиума (Тюмень, 1991) // РА. - 1993. - № 1. - С. 250 - 260.

Рыкушина Г.В., Зайберт В.Ф. Предварительное сообщение о скелетных остатках людей с энеолитического поселения Ботай // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. - Б. м.: Изд-во Башкир. ун-та, 1984. - С. 121 - 136.

Сальников К.В. Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы // Археология и этнография Башкирии. - Уфа: Изд-во БФ АН СССР, 1962. - Т. 1. - С. 16 - 58.

Сарианиди В.И. Геоксюрский некрополь (раскопки 1963 г.) // Новое в советской археологии. - М.: Наука, 1965. - С. 102 - 105.

Сериков Ю.Б. Исследование грота на камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. - Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. - С. 120 - 143.

Сериков Ю.Б., Серикова Л.В. Разведки в Среднем Зауралье // Археологические открытия Урала и Поволжья. - Сыктывкар: Изд-во КНЦ УрО АН СССР, 1989. - С. 158 - 160.

Старков В.Ф. Стоянка Шапкуль I и особенности энеолита в лесостепном Зауралье // Вопросы археологии Приобья. - Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 1976. - С. 38 - 48.

Стоколос В.С. Старо-Нагаевский могильник // Эпоха меди юга Восточной Европы. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1984. - С. 22 - 42.

Телегин Д.Я. Неолитические могильники мариупольского типа. - Киев: Наук. думка, 1991. - 96 с.

Третьяков В.П. Волосовские племена в европейской части СССР в III - II тыс. до н. э. - Л.: Изд-во ЛО ИА АН СССР, 1990. - 212 с.

Третьяков В.П. Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы. - Л.: Наука, 1990. - 200 с.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. - М.: Наука, 1977. - 144 с.

Халиков А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 24 - 28.

Чемакин Ю.П. Новый могильник в Сургутском Приобье // СА. - 1980. - № 3. - С. 276 - 280.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху неолита и бронзы (результаты археологических исследований): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - М.: ИА АН СССР, 1970. - 60 с.

Широков В.Н. Писаницы р. Ай // Кокшаров С.Ф., Широков В.Н. Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала. - Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1990. - С. 29 - 77. - (Препр.).

Шорин А.Ф. Энеолитическое погребение у поселка Дружный в Южном Зауралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. - Куйбышев: Изд-во Куйбышев. пед. ин-та, 1982. - С. 183 - 188.

Шорин А.Ф. Доандроновское погребение могильника Березки Vг в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. - Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. - С. 68 - 79.

Материал поступил в редколлегию 1.04.99 г.